

Владимир УРИН, директор Театра имени Станиславского и Немировича-Данченко:

# Некоторые директора боятся реконструкции как огня

Иллюстрация - 2003 - 3 серия - с. 13

Всякий, кто проходил последние время мимо перекрестка Большой Дмитровки и Козицкого переулка, неизбежно слышал строительный шум и видел строительную пыль. Это расширялся и рос на глазах Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко. Его широкомащтабная реконструкция уже успела стать в театральных кругах предметом зависти, пересудов и предположений. Обозревателю «Известий» удалось первым из журналистов проникнуть в уже построенные помещения административно-производственного корпуса (целиком реконструкция старого здания и соединение его с новым будут закончены в 2005 году), прийти от увиденного в полный восторг и задать вопросом: а что нужно сделать для того, чтобы у тебя в театре тоже начали реконструкцию? На этот и другие вопросы директор театра Владимир УРИН без обиняков ответил Марине ДАВЫДОВОЙ.



Фасад нового театра впечатляет...

ведь этот театр — третий по величине в России после Большого и Мариинского. У нас работают 1100 человек. Это завод, фабрика. Парадный фасад и чудовищное закусилсье — очень российская, точнее советская, ситуация. В любом западном театре одно всегда соответствует другому. Если бедно за кулисами — такое бывает часто, — то бедно и в фойе. И наоборот.

— Но я все же задам вредный вопрос. Ведь наверняка любой московский театр может рассказать про себя такие же ужасы. Вы вот, к примеру, некоторое время директорствовали параллельно еще и РАМТе. Там другая ситуация?

— Конечно, пожаловаться на жизнь могут многие. Сейчас, скажем, идет речь об аварийном состоянии Театра оперетты. Аварийном!! Но это же не значит, что это нормально. Что касается РАМТа, то он действительно в катастрофическом положении. Но там есть что отремонтировать — подсобные помещения, репзалы. Их не надо строить заново. А нам нужен был не ремонт, а реконструкция. Кстати, есть директора, которые боятся этой самой реконструкции как огня.

— ???

— Потому что выгодно получать каждый год деньги на ремонт. Красить потолок. Через год говорить: смотрите, в каком мы состоянии. Опять получать деньги.

— И тем не менее кто, как и когда принимал решение, что выделяются деньги на реконструкцию именно вашего театра, а не другого, тоже, вероятно, в ней нуждающегося?

— Это очень длительный процесс. Вопрос рассматривался на заседаниях правительства. Потом утверждался в Думе. Мы 6 лет к этой реконструкции шли.

— За эти 6 лет были построены разные театры. Et Cetera, например, Театр Джигарханяна, сейчас еще что-то громоздится. Это деньги из одного государственного кармана или из разных?

— Из одного.

— Но не абсурдно ли в той ситуации, которую вы так красочно живописали, строить еще и новые театры?

— Это вопрос не ко мне. Я не являюсь тут специалистом.

— А я вас просто как человека спрашиваю. В Москве бесчисленное количество театральных зданий. Кажется, больше, чем в любой столице мира. Не логично ли бросить все средства на их ремонт, реконструкцию и восстановление, чем строить что-то новое?

— Если вы так жестко ставите вопрос, то я отвечу: создавать новые театры в нынешней ситуации по меньшей мере странно.



...и репетиционный зал тоже

— Давайте уточним: не создавать театры, а строить. В обозримом историческом прошлом у нас возник театр «Мастерская Петра Фоменко» (ура!), но он до сих пор ютится в бывшем кинотеатре «Киев». В то же время есть немало театральных зданий, в которых бог знает что идет. Вот в чем проблема.

— Видите ли, для того чтобы решить ее, надо изменить саму ситуацию нахождения коллективов в театре. И это уже вопрос совершенства законодательства. Сегодня люди приписаны к зданию и к театру навечно. Уже не важно, состоятелен ли ты творчески. Самые выдающиеся дирижеры в музыкальных театрах в Германии работают по контракту. Три года — и подписывается новый контракт. Или не подписывается. Иначе просто не бывает. У нас же театральные здания — это просто вотчины тех или иных людей. И московское правительство — заложник этой ситуации.

— И кто же эту ситуацию должен менять?

— Ее можно поменять только на федеральном уровне.

— Но инициировать это должны сами директора.

— Инициуем.

— Вы хотите сказать, что все директора в этом заинтересованы?

— Все заинтересованы. Просто некоторые из них думают так: для артистов — контракты, а для меня — нет. Но это уж Бог им судья. Я-то глубоко убежден, что это должен быть контракт со всеми. И с директором, и с артистами, и с художником. Если у театра хорошая пресса, фестивали, награды — контракт продлевается. Если обвал — зритель не ходит, пресса ужасная — извините. Тогда государство будет ремонтировать здания, а не вотчины Урина или Калыгина. И я понимаю Лужкова, который говорит: а я не хочу в творческие вопросы лезть. Я — хозяйственник. А то получится так: Петрова я люблю — ему сделаю театр, а Сидорова не люблю — не сделаю.

— Но реально сегодня именно так и получается.

— Нет, реально происходит несколько иначе. Кто активно добивается, тот и получает. Под лежащий камень вода не течет. В этом смысле остался совершенно совет-

ский принцип. Я вот добивался, а кто-то сидит сложа руки.

— Вы привлекали при реконструкции западный опыт?

— Ну-хау наши, хотя подтверждение некоторым своим идеям мы нашли потом в «Ковент-Гарден». Но прямо экстраполировать чужой опыт все же невозможно. В том же «Ковент-Гарден» декорации хранятся в складских помещениях где-то на окраине Лондона. Нам то же самое предлагали сделать. Но у них другой принцип проката спектаклей, они играют их блоками. Я с цифрами доказал чиновникам, что дешевле будет построить ангары у театра, чем ездить за декорациями за 80 км. Это при московских-то пробках. У нас есть тут несколько уникальных разработок — например, огромные контейнеры для хранения костюмов, которые можно передвигать одной рукой.

— Когда реконструкция закончится, этот театр станет самым технически оснащенным в стране?

— Думаю, да. Но главное — он станет театром, в котором артистов и костюмеров уважают не меньше, чем зрителей.